

Чжо Хуа почувствовал, как внутри всё сжалось, боевой пыл мгновенно угас, и голос невольно стал мягче:

— Может, присядешь и поешь?

Костяшки пальцев Цзян Яньцы, сжимавших бокал, побелели. Наконец, не выдержав, он холодно бросил:

— Чу Ичэнь, знай меру!

Не успел он договорить, как Чу Ичэнь внезапно обхватил Чжо Хуа длинной рукой и рывком притянул к себе. Чжо Хуа сдавленно охнул, оказавшись на коленях у мужчины. Его поясница уперлась в твердую грудь, а у самого уха раздался смешок, обдавший кожу горячим дыханием.

Чу Ичэнь положил подбородок на макушку Чжо Хуа, вызывающе посмотрел на Цзян Яньцы и принялся играючи поправлять воротник на плече у Чжо Хуа:

— Раз уж Чжо Хуа сам меня пригласил, грех отказываться.

Чжо Хуа: ...

Цзян Яньцы с почерневшим лицом рявкнул:

— Пересядь на соседний стул!

Но Чу Ичэнь словно не слышал. Он бесцеремонно взял палочки и чашку Чжо Хуа, подцепил креветку и поднес прямо к его губам. Чжо Хуа всегда был ленив и только рад, когда за ним ухаживают, поэтому он послушно открыл рот и съел угощение.

Чу Ичэнь подцепил еще кусочек. Так, на глазах у Цзян Яньцы, они принялись есть, по очереди подкармливая друг друга. На лбу Цзян Яньцы запульсировала вена, а глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

Чу Ичэнь явно ни во что его не ставил! Мало того, что не отпускал Чжо Хуа, так еще и спокойно поедал креветки, которые он, Цзян Яньцы, собственноручно почистил!

— Чисти быстрее, нам на двоих не хватает, — поторопил Чу Ичэнь.

Цзян Яньцы: ...Это просто возмутительно.

Под латексной перчаткой его пальцы хрустнули, и хвост креветки, которую он чистил, деформировался. Он впился взглядом в руку Чу Ичэня, обнимавшую талию Чжо Хуа, и был готов швырнуть перчатку ему в лицо.

Но как раз когда он собрался взорваться, Чжо Хуа наклонил голову и проговорил с капризной интонацией:

— Я еще хочу.

Эти легкие слова подействовали на Цзян Яньцы, словно холодный душ. Сжатые кулаки медленно разжались, и ему пришлось, стиснув зубы, продолжить механически чистить креветки.

— Медлишь, опять всё закончилось, — Чу Ичэнь нарочно постучал палочками по краю миски.

Руки Цзян Яньцы замелькали так быстро, что превратились в размытое пятно. Скулы напряглись до боли:

— Это я для Чжо Хуа чищу! Кто тебе разрешил... — он проглотил остаток фразы. Боковым зрением заметив, что Чжо Хуа подпирает щеку рукой и смотрит на него, он лишь процедил сквозь зубы: — Бесстыдник.

Звон фарфора резко пререзал напряженную тишину. Тонкая рука протянулась сбоку, и бледные пальцы, держа идеально очищенную креветку, аккуратно опустили ее в миску Чжо Хуа.

Чжо Хуа опешил и поднял взгляд, встретившись с глазами Бай Ючуаня, изогнутыми в форме полумесяцев. Юноша опустил ресницы, отбрасывая мягкую тень, и выглядел совсем как безобидный ландыш.

От этой картины у Чжо Хуа перехватило горло. Он-то думал, что Бай Ючуань — мягкотелый простак, которым легко манипулировать, но сейчас, с этим его спокойным и достойным видом, он был до ужаса похож на законного супруга, уверенно восседающего на троне.

Чу Ичэнь наклонился к уху Чжо Хуа и с ехидной усмешкой спросил:

— Будешь? — при этом он бросил многозначительный взгляд на остальных.

Воздух застыл. Панцирь креветки в руках Цзян Яньцы с хрустом разлетелся в щепки, а его острый взгляд, словно отравленная стрела, вонзился в Бай Ючуаня. Юноша же, казалось, ничего не заметил — лишь тихо опустил глаза, в которых отражался мягкий теплый свет ламп.

Чжо Хуа приподнял бровь, подтолкнул руку Чу Ичэня, чтобы тот скормил ему креветку, и, пережевывая, вскинул подбородок, переводя взгляд с Цзян Яньцы на Бай Ючуаня:

— А почему бы и нет? Чего застыли? Работайте руками, я жду. И ты не стой без дела, покорми меня.

Чжо Хуа внезапно перестал жевать, уставившись на гору креветок в своей миске. Затем он

поднялся с колен Чу Ичэня и направился к выходу.

— Эй! — Чу Ичэнь вскочил, пытаясь схватить его за запястье, но лишь зацепил край одежды. — Ты же почти ничего не съел, куда собрался?

— Appetit пропал, — бросил Чжо Хуа. Обернувшись и увидев, что Цзян Яньцы плетется следом, он раздраженно добавил: — И ты не ходи за мной, видеть тебя не могу!

Чу Ичэнь не спеша выпрямился, демонстративно поправляя помятый пиджак, и с усмешкой посмотрел на Цзян Яньцы, чей взгляд, казалось, готов был испепелить всё вокруг. Он коснулся языком щеки, и на его губах заиграла наглая улыбка, а рукой он сделал пренебрежительный жест:

— Глухой, что ли? Чжо Хуа сказал не таскаться за ним как привязанный.

С этими словами он, насвистывая, зашагал следом, и стук его туфель по полу звучал вызывающе громко.

*

Чжо Хуа только дошел до порога своего дома, как сзади послышались торопливые шаги. Цзян Яньцы прижал дверь рукой, загоняя его в угол, от него пахло холодным парфюмом.

— Чжо Хуа, — его голос охрип, кадык нервно дернулся. — Почему ты злишься? Из-за Бай Ючуаня?

В темно-карих глазах читалась редкая для него тревога; он смотрел на Чжо Хуа с опаской и надеждой.

Чжо Хуа вскинул подбородок, глядя на него с насмешливой издевкой, и в его холодном смешке, казалось, звенели льдинки:

— Из-за него? Цзян Яньцы, ты о нем слишком высокого мнения.

Он с силой оттолкнул руку мужчины:

— Я вернулся в страну так давно, а ты даже нормального банкета в честь моего приезда не устроил, не говоря уже о том, чтобы куда-то вывезти. А теперь ты даже не понимаешь, почему я злюсь? Зря я считал тебя другом!

Цзян Яньцы, да я ревную к Бай Ючуаню, и что с того? Еще притворяется, спрашивает, в нем ли дело. Пф, даже если бы это было так, я бы ни за что не признался. Не дожدهшься, чтобы я стал бегать за тобой как собачонка.

Глаза Цзян Яньцы мгновенно потускнели, лицо вытянулось, и на нем отразилось глубокое разочарование.

— Я...

Чжо Хуа не дал ему договорить. Не дожидаясь ни слова, он резко распахнул дверь.

— Я устал и хочу спать, не смей меня беспокоить! — бросил он, не оборачиваясь.

Раздался грохот захлопнувшейся двери, окончательно отрезавший взгляд того, кто остался снаружи.

Цзян Яньцы стоял у порога, чувствуя себя глубоко несправедливо обиженным. На самом деле он постоянно думал о Чжо Хуа, просто знал, что тот слаб здоровьем и любит сидеть дома, поэтому боялся лишний раз докучать. Он специально нанял лучших поваров со всех концов страны — сычуаньская, кантонская, хуайянская кухня — меню менялось каждый день, лишь бы Чжо Хуа съел хоть немного. И в итоге этот пронира Чу Ичэнь воспользовался случаем!

Когда утренний свет пробился сквозь занавески, Чжо Хуа почувствовал, что веки стали тяжелыми, как свинец. Он с трудом поднялся с постели, конечности налились тяжестью, а тело стало ватным и липким от пота.

Стоило ему коснуться лба, как жар заставил его осознать реальность:

— Черт, всё-таки свалился.

То ли это была простуда от бессонных ночей, то ли накопившееся нервное напряжение окончательно подкосило его хрупкое тело. Чжо Хуа лежал в постели и слабым голосом позвал:

— Маленькая Черепашка! Спасай!

Маленькая Черепашка, находившаяся за тысячи миль, внезапно вздрогнула.

— Чего еще? Рыба разбежалась?

— Да пошел ты! — Чжо Хуа закашлялся. — Я простудился, быстро возвращайся и лечи меня! Опоздаешь — сварю из тебя суп!

<http://bllate.org/book/18787/1824509>